

Третий день четвёртого месяца десятого года правления Юнчжао, оглашение результатов весенних экзаменов.

У ворот резиденции герцога Янь яблоку негде было упасть: повсюду стояли повозки и кони. Одно за другим в ворота вносили поздравительные дары – все они предназначались второму молодому господину Сяо Чжоцину, занявшему почётное третье место на императорских экзаменах – таньхуа.

Восемнадцатилетний таньхуа – редчайшее явление не только во всей Великой Шан, но и во всей исторической летописи.

Солнечные лучи пробивались сквозь раскидистую листву старого дабу, освещая передний двор резиденции герцога Янь, где журчали извилистые ручьи. Всё пестрело от роскошных тканей и золотисто-алых украшений. В резиденции наспех устроили пир, и второй молодой господин, сменив парадные одежды на официальный наряд, вышел в переднюю залу принимать поздравления гостей.

Всё вокруг казалось до боли знакомым.

Сяо Чжоцин стоял перед входом, окружённый толпой чиновников и знатных вельмож.

Светло-зелёные шёлковые одежды с круглым воротом принесли только сегодня утром, но вышитые на манжетах птицы среди ветвей были ему знакомы со вчерашнего вечера. Во сне он точно так же был облачён в этот наряд, и подносящий вино гость случайно пролил напиток прямо ему на рукав.

– Юный господин Чжоцин сдал экзамены в столь юные годы, его ждет поистине безграничное будущее! Ну же, позвольте выпить за Вас!

Один из гостей, дородный мужчина с густой бородой и широким лицом, поднял кубок и с улыбкой качнул его в сторону Сяо Чжоцина.

Сяо Чжоцин редко общался с придворными и титулованными особами, однако с первого взгляда узнал в этом человеке Чжо Цайина, графа Нинси.

И всё потому, что в его сновидении регент казнил этого человека как раз на двенадцатом году правления Юнчжао, а он сам, выступая в роли летописца, сидел прямо рядом с наблюдающим за казнью чиновником.

Тогда покотившаяся к его ногам голова была мертвенно-серого цвета – куда осунувшиеся, чем у этого пышущего здоровьем Чжо Цайина.

– Разве Чжочин забыл? Это же Чжо Цайин. В прошлый месяц он заглядывал к нам, желая заполучить твою каллиграфию. Мы тогда изрядно захмелели, и ты сорвал шёлковую занавесь, чтобы написать для него стихотворение. Неужто не помнишь?

Близкий друг Син Яо с улыбкой выступил вперед, представляя гостя слово в слово так же, как и в том сне.

– О да, да! Юный господин Чжочин, ту вашу работу я уже велел оформить в свиток, и ныне она висит... Ай!

Пока граф говорил, кто-то толкнул его сзади, и чаша с вином целиком выплеснулась на рукав Сяо Чжоцина.

Сяо Чжочин опустил взгляд на испачканную ткань. Чжо Цайин растерянно замер и принялся наперебой приносить извинения.

Даже винное пятно на рукаве точь-в-точь повторяло то, что было во сне...

Неужели то, чему суждено случиться, всё же неотвратимо?

«Бац!»

В ту же секунду распахнутые алые ворота резиденции герцога содрогнулись, и в них вихрем влетел какой-то человек.

На нём были грубые серые крестьянские одежды, сплошь покрытые пылью. Растрёпанные волосы стянуты в хвост, лицо грязное и замурзанное, но сквозь эту сажу всё равно проступали

заурядные, ничем не примечательные черты – из тех, что зовут «лица завсегдатаев массовки».

Во дворе на мгновение воцарилась тишина. Все обернулись, уставившись на незваного гостя, ворвавшегося с напором степного разбойника.

Окинув беглым взглядом горы праздничных даров во дворе, парень жадно блеснул глазами, затем выпрямил спину, прочистил горло и во всеуслышание объявил с видом невероятного триумфа:

– Меня зовут Ван Юань. Я явился исполнить брачный договор и взять в жёны старшую барышню резиденции герцога!

– ...

Во всём дворе повисла мертвенная тишина.

Накануне ночью Сяо Чжочину приснился сон, в котором он оказался персонажем некоего романа под названием «Попирающий князей».

Главный герой этой книги, Ван Юань, прибыл из далекого будущего и в своей прошлой жизни был обычным курьером. По дороге на очередной заказ его сбил огромный грузовик, а очнулся он уже в древнем весёлом доме. При этом фургон, набитый посылками, превратился в его личное пространственное хранилище.

Переродившись сыном куртизанки, он не знал своего отца, а мать перед смертью оставила ему лишь изящный ароматический мешочек, намекнув, что в нём сокрыта тайна его происхождения.

И вот он прибыл в Ецзин. Тремя днями ранее, в башне Суй на севере столицы, он случайно столкнулся со знатной барышней, у которой был точно такой же мешочек.

А этой барышней оказалась...

Застолье молчало. Лишь Ван Юань, сияя самодовольством, разглагольствовал посреди двора.

– Вещь, доказывающая мою любовь с вашей старшей барышней, находится прямо здесь. Чего вылупились, пускай барышня выходит к своему мужу! Капец, устал как собака, официант, стакан воды сюда!

Гости переглядывались с самыми озадаченными лицами: мало кто понял поток странных слов из уст Ван Юаня.

Но Сяо Чжоцин понял всё.

Обладая с детства феноменальной памятью, он прочитал во сне всю книгу от корки до корки и теперь мог слово в слово повторить то, что Ван Юань собирался изречь дальше.

Тот заявит, что этот мешочек ему подарила старшая дочь семьи Сяо по имени Сяо Лин, после чего его, сочтя безумцем, с позором вытолкают за ворота.

В романе этот эпизод именовался «самым тёмным часом» в жизни Ван Юаня. Ярчайший герой смертельно разозлится, станет проклинать резиденцию герцога за презрение к людям, кричать: «Не смей унижать бедного юнца!», после чего закономерно привлечёт внимание влиятельных покровителей.

С той минуты его жизнь пойдёт как по маслу – с читками.

Всевозможные сильные мира сего охотно станут служить ему ступенями для восхождения и собьются в верную банду братков.

От знаменитых куртизанок до благородных аристократок – все поголовно полюбят ничем не примечательного с виду парня. Попаданец заведёт гарем и получит в придачу влиятельного тестя, чьими стараниями взлетит на вершины власти.

А что же Сяо Чжоцин?

В сюжетных свитках его называли не иначе как «пушечным мясом».

Достигнув вершин власти и вспомнив об унижениях времён своей нищеты, Ван Юань походя конфискует всё имущество герцогского рода.

Сфабриковав обвинения, он вотрет Сяо Чжоцина в грязь, насильно заберёт Сяо Лин в гарем наложницей и прикажет казнить всю семью Сяо. И на всё про всё у автора уйдёт ровно три главы.

Сяо Чжоцин отчётливо помнил леденящую душу темницу из своего сна. Ван Юань смотрел на него свысока и мерзко ухмылялся:

- Что я тебе тогда говорил, Сяо Чэ? Вот тебе и расплата за то, что смотрел на людей свысока.

С этими словами он присядет на корточки и вызывающе бросит:

- Жени ты свою сестру на мне тогда, и не было бы столько проблем. Но жаль, лекарства от сожалений на свете не сыщешь.

Сожалел ли он?

Умерший во сне Сяо Чжоцин после кончины дочитал книгу до конца и прекрасно осознавал: этот отвратительный Ван Юань – истинный избранник судьбы, любимец удачи.

Его успех был предreshён. Стоило лишь примкнуть к его лагерю – и можно было обрести титулы, земли и баснословное богатство по одному лишь мановению руки.

Но... пресмыкаться перед Ван Юанем?

- Что за оборванец... Чжоцин, я велю паре слуг вышвырнуть его вон, – нахмурившись, произнес Син Яо и повернулся, чтобы отдать приказ страже. – Живо найдите старшую барышню, смотрите, чтобы она ни в коем случае не показывалась на глаза!

Во сне Ван Юань заявлял перед золотым тронном о своем намерении «быть заурядным пошляком, падкому до денег и блуда». Син Яо тогда тихонько усмехнулся в кулак – и не прошло и трёх дней, как он принял мученическую смерть.

Ван Юань называл это «щелчком по носу».

А в его кошмаре старшая сестра Сяо Лин стояла перед крыльцом и под жадными взглядами Ван Юаня заливалась слезами, отчаянно мотая головой: «Я знать его не знаю!»

И что же Ван Юань?

Когда весь род герцога Янь угодил в темницы, он специально преподнес эту весть Сяо Лин, принудив её стать его наложницей.

В тот день, когда она переступила порог его усадьбы, Ван Юань в наказание заставил её простоять на коленях у ворот всю ночь, наблюдая за ней из галереи в окружении наложниц.

Идейным обоснованием служило изречение: «Не разделял со мной заката – не увидишь и моего восхода».

– Ты, официант, оглох что ли? Я воду заказывал, давай воды!

Сяо Чжочин поднял глаза: Ван Юань продолжал горлопанить.

Взобравшись на табурет, он тыкал пальцем в испуганную служанку и орал на весь двор:

– Ты хоть понимаешь, кто передо мной? Гляди сюда, это же...

– Что это?

В тот самый момент, когда Ван Юань собрался во всеуслышание поведать о происхождении талисмана, Сяо Чжочин негромко заговорил.

Его голос прозвучал подобно звону чистого металла о драгоценный нефрит, и все взгляды мгновенно обратились на него.

Предать родных ради того, чтобы вкусить чужие плоды славы и почёта?

Сяо Чжочин перевёл взгляд на Ван Юаня.

Он всего лишь умер однажды во сне, но это вовсе не значит, что его тело захватил кто-то чужой.

Марать руки о подобную мразь казалось ему омерзительным даже от простого взгляда.

Ван Юань вскинул голову на звук голоса.

Парадный двор резиденции герцога поражал воображение: повсюду сокровища и диковинки, от вида которых у парня едва глаза на лоб не лезли.

Дай ему хоть одну такую вещицу – и в современности можно было безбедно жить до конца дней! А уж гости вокруг: все как один разодеты в роскошные шелковые халаты, на поясах – чисто нефрит бараньего жира, ну просто капец какие богатеи.

И тем не менее среди этой пестрой толпы знатных вельмож его взгляд с первого же мгновения приковал к себе лишь один человек.

На том был простой синий халат без вычурных узоров и сложного тканого рисунка.

Но как там говорится? Всё дело в башке, стиль делает лицо!

Это было неземное, потрясающее воображение лицо: нефритовая кожа, брови словно горные хребты, персиковые глаза с бледно-светлыми радужками под длинными ресницами, пухлые губы и точёная фигура. От всего его облика исходило ледяное отчуждение, словно перед ним стоял небожитель, сошедший с небес.

И этот человек глянул на него с таким абсолютным безразличием, будто он, Ван Юань, ничем не отличался от кучи мусора на обочине.

Ван Юаня аж зелёная тоска взяла.

Твою ж мать, небеса! Он же попаданцем стал, почему внешность осталась прежней, как в

прошлой жизни? Почему не подогнали ему этот божественный редактор персонажа?!

Хотя ладно, хрен с ним, всё равно барышня из их дома должна быть такой же писаной красавицей.

В конце концов, какая польза от смазливой мордашки у мужика? Главное – внутренний мир, внутренний мир!

Ван Юань вытянул шею и, пытаясь держаться с напускной гордостью под этим давлением ошеломляющей красоты, затянул:

– А вот и нет! Это мне старшая барышня резиденции подарила в знак нашей любви!

Он высоко взметнул зажатый в руке мешочек, и болтавшаяся на нём подвеска из белого нефрита заплясала из стороны в сторону, совершенно не вяжась с грязными тряпками Ван Юаня.

Знак любви?

Все присутствующие – от именитых гостей до дворовой челяди – разом лишились дара речи.

Сяо Чжоцин лишь легко усмехнулся.

Будь он в том самом кошмаре, подобная громоподобная чушь наверняка выбила бы его из колеи. Но, к счастью, этот сон длился слишком долго, позволив ему узнать о происхождении мешочка больше кого бы то ни было.

– Старшая сестра подарила? И когда же, в каком месте, что она тебе при этом сказала? – холодно осведомился он.

Ван Юань расплылся в ухмылке и тут же затянул песню вруна:

– О, шурин! На днях, в начале этого самого месяца! В башне Суй, твоя сестрица она...

– Но ведь эта вещь – старинная реликвия, изготовленная несколько десятков лет назад, – оборвал его Сяо Чжоцин.

– ...Э?

Ван Юань опешил.

Он уставился на мешочек в своей руке: как бы бережно его ни хранили, шёлк на поверхности всё же изрядно выцвел.

– Я... я оговорился! – вскинул подбородок Ван Юань и продолжил нести ахинею. – Детская помолвка, понимаешь? Двадцать лет назад ваш старый князь сам преподнес его моему деду, сосватав вашу старшую барышню за меня!

Сяо Чжоцин не изменился в лице.

– Эта ткань соткана в Хучжоу в двадцать третьем году правления Сюаньхуа. Покойный император жаловал её лишь нескольким княжеским ветвям, и в резиденции герцога Янь её отроду не водилось. С чего бы им дарить её тебе?

Он спокойно продолжал допрос:

– К тому же молодой господин из рода Се, с которым моя сестра действительно была помолвлена, давным-давно покинул этот мир, и могила его покоится в предместье Ецзин. А ты кто такой?

Едва эти слова слетели с его губ, как собравшиеся гости разом прозрели.

В те годы старый герцог и впрямь обещал выдать Сяо Лин замуж, но внук бывшего главы императорской канцелярии скончался в младенчестве ещё десяток лет назад. Откуда же вылез этот проходимец?

Под пристальными взглядами толпы лицо Ван Юаня густо покраснело.

– Да что ты понимаешь в делах двадцатилетней давности?! Зовите сюда вашего старого герцога, я с ним буду говорить!

Разве это не махровое сумасбродство?

- Наглец! Да знаешь ли ты...

Тут же не стерпел и подался вперед Чжо Цайин - Сяо Чжочин даже не успел слова сказать.

Мгновенно среагировав, Сяо Чжочин удержал его за рукав.

В прошлой жизни Чжо Цайин погиб именно из-за своего взрывного нрава.

На том пиру в кошмаре первым набросился на Ван Юаня с оскорблениями именно он. Позже Ван Юань взял регента в приемные отцы и при первой же возможности наябедничал ему, после чего разъяренный регент велел снести Чжо Цайину голову.

Почувствовав, как его удерживают, Чжо Цайин решил, будто Сяо Чжочин испугался.

Сраженный до глубины души, он воскликнул:

- Юный господин Чжочин...!

Но в этот момент Сяо Чжочин поднял глаза. Его от природы чувственные глаза под тенью ресниц излучали пронзительный и холодный блеск.

- Узор на этом мешочке - «счастливые тыквы с иероглифом мань» \*, подобные вещи обычно носят мужчины зрелого возраста. На нефритовой подвеске вырезаны печати «Счастье» и «Долголетие». Даже если дарят знак любви, такое не используют.

Ван Юань: - ...

Нет, погодите-ка, почему у этого чувака такое зрение?!

Разумеется, он прекрасно знал, что никакой это не любовный талисман, но после мимолетного взгляда в башне Суй несколько дней назад до него донеслись слухи о южных корнях невесты старшей барышни, вот он и решил попытать счастья.

Да ну и чёрт с ним, раз замуж не идёт - бог с ней.

С неловкой ухмылкой Ван Юань уже собирался запихнуть вещицу за пазуху, как вдруг услышал насмешливый голос Сяо Чжоцина:

– Коль у вас действительно были тайные чувства, вам следовало искать утешения у какого-нибудь почтенного господина лет пятидесяти.

С этими словами он слегка взмахнул рукой. Его изящные, подобные нефриту пальцы качнулись в воздухе, а безразличный взгляд окинул Ван Юаня так, будто тот из человека в одно мгновение превратился в дворового пса.

– Эй, стража, проводите гостя.

<http://bllate.org/book/18810/1865670>